

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ГРЕТА

Мария Метлицкая
Грета
Серия «Рассказы и повести
Марии Метлицкой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28262653
Издательство «Э»;

Аннотация

«Безусловно, из всей этой огромной, шумной и не очень дружной семьи Аня больше всех любила тетку Грету. Хотя "теткой" ни про себя, ни тем более вслух ее никто и никогда не называл. Просто Грета. И она сама, и ее имя были настолько самодостаточны и независимы, что и в голову бы не пришло окликнуть ее простонародным "теть!".

Была она младшей и самой любимой дочерью в многодетной семье ювелира, обрусевшего немца Григория. Этот Григорий был крупным, волосатым и громким мужиком, и было удивительно, как он своими на вид неловкими пальцами-сардельками умудрялся делать такие изысканные и изящные вещицы и слить самым известным мастером в городе...»

Мария Метлицкая

Грета

Безусловно, из всей этой огромной, шумной и не очень дружной семьи Аня больше всех любила тетку Грету. Хотя «теткой» ни про себя, ни тем более вслух ее никто и никогда не называл. Просто Грета. И она сама, и ее имя были настолько самодостаточны и независимы, что и в голову бы не пришло окликнуть ее простонародным «теть!».

Была она младшей и самой любимой дочерью в многодетной семье ювелира, обрусевшего немца Григория. Этот Григорий был крупным, волосатым и громким мужиком, и было удивительно, как он своими на вид неловкими пальцами-сардельками умудрялся делать такие изысканные и изящные вещицы и слыть самым известным мастером в городе.

Григорий похоронил совсем нестарых трех своих жен. Последнюю – хрупкую и болезненную Юлию, Гретину мать, долго умиравшую от лимфогранулематоза, любил сильнее других, носил в прямом смысле на руках, после ее смерти страдал безмерно, запил и стал еще более угрюм и придиричив.

В семье его все побаивались. Все, кроме младшей, Греты. Она знала, что любимица. Трех старших детей, от первой и второй жены, ювелир почти не замечал – даже единственного сына, честного и исполнительного молодого человека,

студента мединститута. С ним, впрочем, он хотя бы поддерживал отношения.

Старшая его дочь, Нинель, геологиня, странноватая, как все женщины, живущие по полгода «в поле», неухоженная, с обветренным, красноватым лицом (кстати, из всех детей больше всего походившая на отца) и менявшая в каждой экспедиции очередного «мужа», приезжала домой ненадолго. В брезентовой спецовке, с рюкзаком, много курившая «Беломор», громко и грубовато разговаривавшая, она всем своим видом портила отцу жизнь. При виде Нинели его лицо перекашивала гримаса презрения и безгливости.

Впрочем, своим обществом старшая дочь никому не досаждала и, надсадно кашляя, быстро прощалась с семьей, где ей тоже было неуютно, и отправлялась в дальнюю дорогу. Шепотом поговаривали, что в экспедициях Нинель попивала. Маленькая Аня понимала, что тетка (а это была уж точно «тетка») Нинель плохо пахла и делала что-то не то. Она Ане ужасно не нравилась.

Вторая сестра, уже от второй дедовой жены, Лариса, совсем оскорбила отцовские седины, в десятом классе забеременев. В те-то годы! И сразу после выпускных выскочила замуж – да за кого! За мастера из телеателье. Кто кого соблазнил, было непонятно – но аккуратно после починки цветного «Рубина».

Муж ее, парень простой, деревенский, отличался свойственной многим деревенским смекалкой. Увидев кварти-

ру ювелира, стал быстро действовать, понимая, что другого шанса внедриться в такую жизнь у него просто не будет.

Телевизор приходил чинить три раза, ссылаясь на недостаток дефицитных деталей. Со второго раза с доверчивой Лариской все и сладилось, третьим разом – закрепил, на всякий случай. Повезло, получилось. Но ювелир был вовсе не дурак: дочь из дома выгнал, и молодожены долго маялись в общежитии у телемастера. Однако настырная Лариска исправно рыдала через день под дверью отчего дома. Ювелир не выдержал и купил маленькую однокомнатную квартиру в Беляеве, тогда на краю Москвы.

Точка. Телемастер просчитался. Но, попив недельку-другую, решил, что своя однушка в Беляеве все же лучше, чем общага в Люберцах. Правда, к квартире прилагались орущий ребенок и вечно ноющая Лариска. Но если и не слюбилось, то как-то стерпелось – и через три года Лариска родила второго ребенка, уже сына. Перебивались. Но про себя, немного стесняясь своих мыслей, Лариска втайне надеялась, что после смерти жестокого, нелюбимого и старого отца все в ее жизни изменится с точностью до наоборот. И по ночам она перебирала в памяти все, что было оставлено в огромной квартире в Камергерском: бронзовые люстры, часы с амурами, подсвечники с малахитом, старинные китайские вазы, мейсенские сервизы, севрских пастушек и балерин, спальню из карельской березы... А главное, она пыталась вспомнить, что лежало у отца в кабинете, в китайском черном лаковом

с перламутром ларце – серьги, кольца, цепи, – понимая, однако, что все лучшее и ценное хранится наверняка не там, а где-то в неведомых тайниках. А под утро, счастливая, засыпала, уговаривая себя еще немного потерпеть. Все должно было скоро измениться. Как оказалось, ошиблась...

Младшая же, Грета, любимица отца, ни о чем не мечтала. О чем мечтать, когда есть все? Только о любви. Потерю матери она пережила довольно легко, отплакав пару недель и взяв с отца слово, что он не приведет в дом женщину. Отец побожился. Уже в свои шестнадцать она была полноправной и единственной хозяйкой в доме – к тому времени старший сын, впоследствии Анин отец, женился и жил у молодой жены в огромной коммуналке на Кировской. Отец ему совсем не помогал.

И когда он, молодой и нищий врач, приходил в отчий дом два раза в год – на дни рождения Греты и отца, – потом, по дороге домой, его молодая жена громко и надрывно плакала от обиды за мужа, от ненависти к богатому и жадному свекру и почему-то – к совсем юной Грете. Еще, наверное, от бедности, от несправедливости, от жалости к себе и мужу – словом, от всего, что переполняло ее молодое и обидчивое сердце. И в который раз клялась себе и мужу, что больше никогда не пойдет в этот дом. Но проходило полгода, и она опять шла туда, в протекающих сапогах, с мокрыми ногами, в легком, не по сезону, пальто, шла и, стыдясь своих тайных мыслей, надеялась, что вот сегодня, сейчас этот богатый ста-

рик, видя их нелегкую и честную жизнь, хоть как-то облегчит ее. Тщетно.

К восемнадцати годам Грета превратилась в красавицу. Без изъянов. Небольшого роста, очень изящная, с осиной талией и крохотной ножкой, с прекрасным точеным лицом. Треугольные ноздри, миндалевидные серые глаза, небольшой чудесного рисунка рот. И волосы! Пепельные, пушистые, легкие и густые. Она их стягивала в узел, но на висках и сзади, на шее, выбивались прелестные легкие завитки. Особенно хороша она была в профиль.

Ювелир называл ее «камеей» и, не скрывая, любовался своим самым удачным произведением. Грета была очень сдержанна, немногословна, характером совершенно в свою покойную мать. С отцом вела разговоры исключительно по делу. Умело руководила и домработницей, и поварихой. Отец держал их, чтобы любимое дитя, не дай бог, не утрудило бы себя домашней работой. Она со всеми ладила, но держалась строго, даже слегка высокомерно – но это уже было свойство ее характера. Грету боялись даже больше, чем сурового хозяина. О том, как она одевалась и что носила на изящных пальчиках и в ушках, говорить не стоит.

После школы объявила, что пойдет в театральный. Отец ужаснулся, но перечить не стал. В театральный Грета провалилась, не помогла даже изысканная красота – ни темперамента, ни эмоций. «Снежная королева». Она была потрясена провалом, искренне веря, что все в этой жизни, чего бы

она ни захотела, должно непременно исполняться. Отец же втайне был счастлив и безмерно рад финалу этой эпопеи.

Поступила в университет на немецкую филологию. Язык знала прекрасно – гены. Подруг в университете, впрочем, как и в школе, не завела, с братом и сестрами были людьми чужими. Словом, штучка та еще!

Но когда заболел отец, оказалась самой заботливой и трепетной дочерью. Умирал он долго и страшно, пережив две тяжелые операции, но метастазы наступали. Особенно пострадал мозг.

В тот страшный год она к нему никого не допускала. Кормила, переодевала, переворачивала, промывала и обрабатывала раны – все сама, одна, с плотно сжатыми губами. Взяла на год академический. Никому ни единым словом не пожаловалась. Не ждала помощи ни от брата-врача, ни от сестер, отрезав: «У вас своя жизнь». На похоронах не проронила ни единой слезы и не сказала никому ни слова. На поминках не вышла из своей комнаты, сутки просидев в темноте, в кресле. Сложен человек! Ох как сложен и неоднозначен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.